

Под лаской плюшевого пледа

Ее называют одной из самых неординарных поэтесс Серебряного века. Поэзией Цветаевой зачитывались современники: К. Бальмонт, А. Ахматова, Б. Пастернак. О ней говорили так: «Ей мало одной стихии». Лирическая сила, предельная искренность, упорная работа над стихом — узнаваемые качества поэзии Цветаевой. Горечь и смех, страх и восхищение, молчание, которое скажет больше, чем слова, или же крик отчаяния, стремящийся разбить стену одиночества — стихи Цветаевой так же, как мы, дышат и живут, чувствуют и дарят сильные чувства.

*Под лаской
плюшевого пледа...*

Марина Цветаева

Марина Цветаева

*Под лаской
плюшевого пледа...*

Стихи

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8550-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Її називали однією з найбільш неординарних поеток Срібної доби. Поезіями Цвєтаєвої зачитувалися сучасники: К. Бальмонт, А. Ахматова, Б. Пастернак. Про неї казали так: «Їй мало однієї стихії». Лірична сила, гранична щирість, завзята робота над віршем — впізнавані якості поезії Цвєтаєвої. Гіркота і сміх, страх і захоплення, мовчання, яке скаже більше за слова, або ж крик відчаю, що прагне розбити стіну самотності — вірші Цвєтаєвої так само, як і ми, дихають і живуть, відчувають і дарують сильні почуття.

Цвєтаєва М.

Ц27 «Под лаской плюшевого пледа...» : стихи / Марина Цвєтаєва. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 416 с.

ISBN 978-617-12-8307-7

Ее называют одной из самых неординарных поэтесс Серебряного века. Поэзией Цвєтаєвой зачитывались современники: К. Бальмонт, А. Ахматова, Б. Пастернак. О ней говорили так: «Ей мало одной стихии». Лирическая сила, предельная искренность, упорная работа над стихом — узнаваемые качества поэзии Цвєтаєвой. Горечь и смех, страх и восхищение, молчание, которое скажет больше, чем слова, или же крик отчаяния,

стремящийся разбить стену одиночества — стихи Цветаевой так же, как мы, дышат и живут, чувствуют и дарят сильные чувства.

УДК 821.161.1

ИЗ КНИГИ «ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ»

ДЕТСТВО

ЛЕСНОЕ ЦАРСТВО

Асе

Ты — принцесса из царства не светского,
Он — твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаще берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обменяться ответами,
Хорошо быть принцессой. О да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной — луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, —
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер — одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И, как искры, сгореть — на лету!

Таруса, лето 1908

МИРОК

Дети — это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук,
Дети — это солнце в пасмурных мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.

Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овечек,
Что в уютной детской дремлют на стене.

Дети — это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блески фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,
О русалках-сестрах сказочных морей.

Дети — это отдых, миг покоя краткий,
Богу у кровати трепетный обет,
Дети — это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ!

СЕРЕЖЕ

Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жаля.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
«По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир. К себе ее зови».

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,
Все глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха,
С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: «Мой мальчик, это ты!»

О, зови, зови сильнее ее!
О земле, где всё — одна тревога
И о том, как дивно быть у Бога,
Всё скажи, — ведь дети знают все!

Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

САМОУБИЙСТВО

Был вечер музыки и ласки,

Все в дачном садике цвело.
Ему в задумчивые глазки
Взглянула мама так светло!
Когда ж в пруду она исчезла
И успокоилась вода,
Он понял — жестом злого жезла
Ее колдун увлек туда.
Рыдала с дальней дачи флейта
В сияньи розовых лучей...
Он понял — прежде был он чей-то,
Теперь же нищий стал, ничей.
Он крикнул: «Мама!», вновь и снова,
Потом пробрался, как в бреду,
К постельке, не сказав ни слова
О том, что мамочка в пруду.
Хоть над подушкой икона,
Но страшно! — «Ах, вернись домой!»
...Он тихо плакал. Вдруг с балкона
Раздался голос: «Мальчик мой!»

.....

В изящном узеньком конверте
Нашли ее «прости»: «Всегда
Любовь и грусть — сильнее смерти».
Сильнее смерти... Да, о да!..

В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях всё детки, всё детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка

От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платъица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
«Подумайте, сын мой...» — «Да что вы! А мой...»

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, —
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное — женское — счастье мое!

<1909—1910>

ПАМЯТИ НИНЫ ДЖАВАХА

Всему внимая чутким ухом,
— Так недоступна! Так нежна! —
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов.

Бледнея, гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори
В тени развесистых чинар...

Ах, не растет маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!

И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.

Как восковые — ручки, лобик,
На бледном личике — вопрос.
Тонул нарядно-белый гробик
В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось...
Вокруг лампы, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза!

Смерть окончанье — лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар...
Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.

Как наши радости убоги
Душе, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Светло-надменная княжна!

Москва, Рождество 1909

НА СКАЛАХ

Он был синеглазый и рыжий
(Как порох во время игры!),
Лукавый и ласковый. Мы же

Две маленьких русских сестры.

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,
И клонит Володя усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
«Он — мой!» — «Нет — он мой!» — «Почему ж?»
Володя решает: «Вы обе!
Вы — жены, я — турок, ваш муж».

Забыто, что в платьицах дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: «Нет, он мой!»
— «Домой! Ася, Муся, Володя!»
— Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим — как взрослые — трубки,
Мы — воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчики в юбках, — о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
— Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

ДАМА В ГОЛУБОМ

Где-то за лесом раскат грозовой,
Воздух удушлив и сух.
В пышную траву ушел с головой
Маленький Эрик-пастух.

Темные ели, клонясь от жары,
Мальчику дали приют.
Душно... Жужжание пчел, мошкары,
Где-то барашки блеют.

Эрик задумчив: — «Надейся и верь,
В церкви аббат поучал.
Верю... О Боже... О, если б теперь
Колокол вдруг зазвучал!»

Молвил — и видит: из сумрачных чащ
Дама идет через луг:
Легкая поступь, синеющий плащ,
Блеск ослепительных рук;

Резвый поток золотистых кудрей
Зыблется, ветром гоним.
Ближе, все ближе, ступает быстрее,
Вот уж склонилась над ним.

— «Верящий чуду не верит вотще,
Чуда и радости жди!»
Добрая дама в лазурном плаще
Крошку прижала к груди.

Белые розы, орган, торжество,
Радуга звездных колонн...

Эрик очнулся. Вокруг — никого,
Только барашки и он.

В небе незримые колокола
Пели-звенели: бим-бом...
Понял малютка тогда, кто была
Дама в плаще голубом.

АКВАРЕЛЬ

Амбразуры окон потемнели,
Не вздыхает ветерок долинный,
Ясен вечер; сквозь вершину ели
Кинул месяц первый луч свой длинный.

Ангел взоры опустил святые,
Люди рады тени промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нежной девочки, к окну прильнувшей.

СКАЗОЧНЫЙ ШВАРЦВАЛЬД

Ты, кто муку видишь в каждом миге,
Приходи сюда, усталый брат!
Все, что снилось, сбудется, как в книге —
Темный Шварцвальд сказками богат!

Все людские помыслы так мелки
В этом царстве доброй полумглы.
Здесь лишь лани бродят, скачут белки...
Пенье птиц... Жужжание пчелы...

Погляди, как скалы эти хмуры,
Сколько ярких лютиков в траве!
Белые меж них гуляют куры

С золотым хохлом на голове.

На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей.
Постучишься — ветхая старушка
Выйдет, щурясь от дневных лучей.

Нос как клюв, одежда земляная,
Золотую держит нить рука, —
Это *Waldfrau*, бабушка лесная,
С колдовством знакомая слегка.

Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случилось на свете,
Ты узнаешь из столетних уст.

Будешь радость видеть в каждом миге,
Всё поймешь: и звезды, и закат!
Что приснится, сбудется, как в книге, —
Темный Шварцвальд сказками богат!

НАШИ ЦАРСТВА

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе — феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе — феи, но большие (странно!)

Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам — для них совсем туманно:
Как и на всё — на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели,
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошел, и снова феи — дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Еще невзрослый передаст ли стих?

<1909—1910>

КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам бывало.
— Уж поздно! — Мама, десять строк!.. —
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...

(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник,
Британии печальны судьбы...
— О, почему среди красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О, золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

<1908—1910>

МАМЕ

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно, грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

МАМА В САДУ

Гале Дьяконовой

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени...

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, —
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело...
Льнут к ней травы вплоть.
— Пальцы только мнут гвоздику. —

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
— «Не вертись, дружок, стой прямо!»
Что-то очень медлит мама!
Как бы улизнуть,
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.
Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
— Только там, за домом, тени...

RICORDO DI TIVOLI¹

Мальчик к губам приложил осторожно свирель,
Девочка, плача, головку на грудь уронила...
— Грустно и мило! —
Скорбно склоняется к детям столетняя ель.

Темная ель в этой жизни видала так много
Слишком красивых, с большими глазами, детей.
Нет путей
Им в нашей жизни. Их счастье, их радость — у Бога.

Море синее вдали, как огромный сапфир,
Детские крики доносятся с дальней лужайки,
В воздухе — чайки...
Мальчик играет, а девочке в друге весь мир...

Ясно читая в грядущем, их ель осенила,
Мощная, мудрая, много выдавшая ель!
Плачет свирель...
Девочка, плача, головку на грудь уронила.

Берлин, лето 1910

У КРОВАТКИ

Вале Генерозовой

— «Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки...»
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

— «Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела...»
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

— «Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, — и в горы скорей!»
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.

— «Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг...»
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

— «Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок...»
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

ЛЮБОВЬ

В ЧУЖОЙ ЛАГЕРЬ

«Да, для вас наша жизнь
действительно в тумане».
Разговор 20-го декабря 1909 г.

Ах, вы не братья, нет, не братья!
Пришли из тьмы, ушли в туман...

Для нас безумные объятья
Еще неведомый дурман.

Пока вы рядом — смех и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Уж ваши речи странно-жутки,
И чует сердце: вы враги.

Сильны во всем, надменны даже,
Меняясь вечно, те, не те —
При ярком свете мы на страже,
Но мы бессильны — в темноте!

Нас вальс и вечер — всё тревожит,
В нас вечно рвется счастья нить...
Неотвратимого не может,
Ничто не сможет отклонить!

Тоска по книге, внешний запах,
Оркестра пение вдали —
И мы со вздохом, в темных лапах,
Сожжем, тоскуя, корабли.

Но знайте: в миг, когда без силы
И нас застанет страсти ад,
Мы потому прошепчем: «Милый!»
Что будет розовым закат.

СЕСТРЫ

«Car tout n'est que rêve, o ta soeur!»²

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же смех,
И вот, узнав его меж всех,

Они вдвоем над ним склонились.

Над ним, любившим только древность,
Они вдвоем шепнули: «Ах!..»
Не шевельнулись в их сердцах
Ни удивление, ни ревность.

И рядом в нежности, как в злобе,
С рожденья чуждые мольбам,
К его задумчивым губам
Они прильнули обе... обе...

Сквозь сон ответил он: «Люблю я!..»
Раскрыл объятия — зал был пуст!
Но даже смерти с бледных уст
Не смыть двойного поцелуя.

27—30 декабря 1909

СЛЕДУЮЩЕЙ

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика, баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат.
Коснись его движением сестер.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнь не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

<1909—1910>

PERPETUUM MOBILE

Как звезды меркнут понемногу
В сиянии солнца золотом,
К нам другу друг давал дорогу,
Осенним делаясь листом,
— И каждый нес свою тревогу
В наш без того тревожный дом.

Мы всех приветствием встречали,
Шли без забот на каждый пир,
Одной улыбкой отвечали
На бубна звон и рокот лир,
— И каждый нес свои печали
В наш без того печальный мир.

Поэты, рыцари, аскеты,
Мудрец-филолог с грудой книг...
Вдруг за лампадой — блеск ракеты!
За проповедником — шутник!
— И каждый нес свои букеты
В наш без того большой цветник.

СЛЕДУЮЩЕМУ

Quasi una fantasi³.

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком веточка,
Рая явление,
Нежный как девушка, тихий как деточка,
Весь — удивленье.
Скажут не раз: «Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!»
— С дерзким надменны мы, с робким застенчивы,
С мальчиком — дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек.
Любим и сказки, о глупенький, маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий...
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

МУКА́ И МУКА

— «Все перемелется, будет муко́й!»
Люди утешены этой наукой.
Станет муко́ю, что было тоской?
Нет, лучше му́кой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победны над скукой.
Все перемелется? Будет муко́й?
Нет, лучше му́кой!

<1909—1910>

ВТРОЕМ

— «Мы никого так...»
— «Мы никогда так...»
— «Ну, что же? Кончайте...»
27-го декабря 1909 г.

Горькой расплаты, забвенья ль вино, —
Чашу мы выпьем до дна!
Эта ли? та ли? Не все ли равно!
Нить навсегда создана.

Сладко усталой прильнуть голове
Справа и слева — к плечу.
Знаю одно лишь: сегодня их две!
Большого знать не хочу.

Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою огни зажжены
В слишком похожих глазах...

Тише, сестрички! Мы будем молчать,
Души без слова сольем.
Как неизведанно утро встречать
В детской, прижавшись, втроем...

Розовый отсвет на зимнем окне,
Утренний тает туман,
Девочки крепко прижались ко мне...
О, какой сладкий обман!

ПРИВЕТ ИЗ ВАГОНА

Сильнее гул, как будто выше — зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.

Под шум вагона сладко верить чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струёй вливается туман...
Мой дальний друг, пойми — все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Все тот же смех и блески тех же звезд,
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

9 июня 1910

***

Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?
Всё друг друга зовут трепетанием блестящих крыл!
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки,
Но о помнящих душах забыл.

Каждый вечер, зажженный по воле волшебницы кроткой,
Каждый вечер, когда над горами и в сердце туман,
К забывшей душе неуверенно-робкой походкой
Приближается прежний обман.

Словно ветер, что беглым порывом минувшее будит,
Ты из блестящих строчек опять улыбаешься мне.
Всё позволено, всё! Нас дневная тоска не осудит:
Ты из сна, я во сне...

Кто-то высший нас предал неназванно-сладостной муке,
(Будет много блужданий-скитаний средь снега и тьмы!)
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки...
Не ответственны мы!

КРОМЕ ЛЮБВИ

Не любила, но плакала. Нет, не любила, но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улики.

Только нам этот образ кивнул из вечернего зала,
Только мы — ты и я — принесли ему жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность — других.

Но порыв миновал, и приблизился ласково кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать не спеши!
Ты мне памятен будешь, как самая нежная нота
В пробуждении души.

В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме.
(В нашем доме, весною...) Забывшей меня не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме

Самой грустной — любви.

РАЗНЫЕ ДЕТИ

Есть тихие дети. Дремать на плече
У ласковой мамы им сладко и днем.
Их слабые ручки не рвутся к свече, —
Они не играют с огнем.

Есть дети — как искры: им пламя сродни.
Напрасно их учат: «Ведь жжется, не тронь!»
Они своенравны (ведь искры они!)
И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
Крестом потихоньку себя осея,
Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой суд:
«Огня побоялась — так гибни во мгле!»
Твои обвиненья мне сердце грызут
И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
Они погибают в туманные дни.
Им нету спасенья. Подумай о них
И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле... —
Мой милый, был так беспощаден твой суд! —
Но все же я сердцем твоя — и во мгле
«За несколько светлых минут!»

ОБА ЛУЧА

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
Луч серебристый молился, а яркий
Нежно любил.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
Каждую искорку, сердце, лови!
В каждой молитве — любовь, и молитва —
В каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенных в плаче
Жалкая мне не заменит свеча.
Буду любить, не умея иначе —
Оба луча!

Weisser Hirsch, лето 1910

НАДПИСЬ В АЛЬБОМ

Пусть я лишь стих в твоём альбоме,
Едва поющий, как родник;
(Ты стал мне лучшею из книг,
А их немало в старом доме!)
Пусть я лишь стебель, в светлый миг
Тобой, жалеющим, не смятый;
(Ты для меня цветник богатый,
Благоухающий цветник!)
Пусть так. Но вот в полуистоме
Ты над страничкою поник...
Ты вспомнишь всё... Ты удержишь крик...
— Пусть я лишь стих в твоём альбоме!

ТОЛЬКО ТЕНИ

В ПАРИЖЕ

Дома́ до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана,
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский,
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик-Рейхштадтский
И Сара — все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль, как прежде, глубока.

Париж, июнь 1909

КОЛДУНЯ

Я — Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спелая рожь,
И тянутся к ним из хлебов васильки.
Загадочный век мой — хорош.

Видал ли ты эльфов в полночную тьму
Сквозь дым лиловатый костра?
Звенящих монет от тебя не возьму, —
Я призрачных эльфов сестра...
А если забросишь колдунью в тюрьму,
То гибель в неволе быстра!

Ты рыцарь, ты смелый, твой голос ручей,
С утеса стремящийся вниз.
От глаз моих темных, от дерзких речей
К невесте любимой вернись!
Я, Эва, как ветер, а ветер — ничей...
Я сон твой. О рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозор,
Сказали: «Закрой свою дверь
Безумной колдунье, чьи взоры позор.
Колдунья лукава, как зверь!»
— Быть может и правда, но темен мой взор,
Я тайна, а тайному верь!

В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь,
Смеясь наяву и во сне?
Поверь мне: я смехом от боли лечусь,
Но в смехе не радостно мне!
Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь

Сегодня на лунном коне!

В ШЕНБРУННЕ

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
В замке сумрачном Шенбрунна.

Чей-то белый силуэт
Над столом поникнул ниже.
Снова вздохи, снова бред:
«Марсельеза! Трон!.. В Париже...»

Буквы ринулись с страниц,
Строчка — полк. Запели трубы...
Капли падают с ресниц,
«Вновь с тобой я!» — шепчут губы.

Лампы тусклый полусвет
Меркнет, ночь зато светлее.
Чей там грозный силуэт
Вырос в глубине аллеи?

...Принц австрийский? Это роль!
Герцог? Сон! В Шенбрунне зимы?
Нет, он маленький король!
— «Император, сын любимый!

Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!»

Как широк отцовский плащ!

Конь летит, огнем объятый.
«Что рокочет там, меж чащ?
Море, что ли?» — «Сын, — солдаты!»

— «О, отец! Как ты горишь!
Погляди, а там направо, —
Это рай?» — «Мой сын — Париж!»
— «А над ним склонилась?» — «Слава».

В ярком блеске Тюильри,
Развеваются знамена.
— «Ты страдал! Теперь цари!
Здравствуй, сын Наполеона!»

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте,
будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ